

Дискуссия о значении «death studies» в современной науке

Краткое предисловие

Дискуссия этого номера журнала, в соответствии с темой номера – «Живые и мертвые», посвящена такой уже сложившейся в зарубежной науке области исследований, как «death studies». Участников дискуссии было легко определить – это редакторы и участники нового и интересного журнала «Археология русской жизни». Вопросы были разработаны С.В. Моховым, Д.В. Громовым и Е.В. Вдовченковым. Цель дискуссии двоякая. С одной стороны, показать проблемное поле «death studies» и опыт работы в этом поле трех отечественных антропологов. С другой стороны, была осуществлена своего рода интеллектуальная провокация – эти же вопросы, рассчитанные на изучение «death studies» в современном обществе, были заданы медиевисту. Поскольку медиевистика тесно связана с антропологией и у нее есть свой богатый опыт решения подобных проблем, то ответ у Ю.Е. Арнаутовой получился развернутым и содержательным.

Вопросы дискуссии:

«Death studies» как область исследований – сформировалась или нет? Чем отличается ситуация в отечественной науке от ситуации за рубежом?

Какие направления «death studies» недостаточно разработаны? Наиболее перспективны? Какие интересные работы по теме Вы могли бы назвать?

Важен ли личный опыт переживания смерти среди исследователей, занимающихся «death studies»? Какие есть проблемы, связанные с вхождением в поле? Этический кодекс?

Избегает ли наше общество проблематики смерти, дистанцируется ли от нее, как это утверждается во многих исследованиях? Есть табуированность смерти как проблема?

Вдовченков Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 105/42, vdovchenkov@yandex.ru.

Vdovchenkov Evgeny V., Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, vdovchenkov@yandex.ru.

Не вызывает сомнения, что представления о смерти и посмертном существовании различаются у представителей разных конфессий и мировоззрений. А можно ли выявить различия для людей разного пола, возраста, образования, социального положения и т. д.?

Как развитие массмедиа и интернета влияет на наше представление о смерти? Как могут измениться наша жизнь и смерть с развитием технологий и медицины?

Ключевые слова: «death studies», исследования смерти, антропология, современная российская наука, массмедиа, медиэвистика, memoria.

Участники:

Вдовченко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Мохов Сергей Викторович, главный редактор журнала «Археология русской смерти», MA in history (МВШСЭН/The University of Manchester), аспирант Школы социологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры, Российский государственный гуманитарный университет.

Соколова Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Арнаутова Юлия Евгеньевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом исторической антропологии и истории повседневности, Институт всеобщей истории РАН.

Discussion about Significance of «Death Studies» in the Modern Science

Short introduction

Discussion featured in this journal issue is situated in line with the umbrella topic “The living and the dead” and concerns the sphere that is already well established in the western research, i.e. «Death studies».

It was easy to invite participants for the discussion; they are editors and contributors of the new interesting journal “Archaeology of the Russian Life”. Questions have been prepared by S. Mokhov, D. Gromov and E. Vdovchenkov. The objectives of the discussion are twofold. On the

one hand, it is to show the problematics of the “Death studies” and to share experience of three Russian anthropologists in this field, on the other hand, it is a kind of intellectual provocation as the same questions devised for the “Death studies” in the modern society were targeted at a medievalist. Medieval studies are closely related to anthropology and have vast experience in resolving such issues, therefore, the answer of Yu. Arnautova was detailed and informative.

Questions of discussion are following:

Have the «Death studies» been already formed as a field of study? In what extent is the situation in the Russian research different from the situation abroad?

What directions of research in the «Death studies» have not been developed enough? What are the most promising? What kind of interesting researches on this matter could you name?

Is personal experience of encountering death important for a researcher of the «Death studies»? What are the problems of entering into the field? Is there any Ethics Code?

Does our society try to avoid death topics? Does it try to disassociate itself from death topics as many researchers claim? Is the tabooed nature of the death topic a problem?

No doubt the concepts of death and the life after death are different for different confessions and worldviews, but would it be possible to single out differences of this matter for people of different gender, age, education, social standing, etc?

Does the development of mass media and internet affect our concept of death? How can life and death be changed in case of technologies and medicine development?

Keywords: «Death studies», Anthropology, modern Russian science, media, Medieval Studies, memoria.

Disputants:

Vdovchenkov Evgeny V. – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Mokhov Sergei V. – editor-in-chief in the Death studies journal «Russian Archaeology of Death», MA in History (University of Manchester), a graduate student of the School of Social Sciences at the National Research University – Higher School of Economics.

Eremeeva Svetlana A. – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for Humanities.

Sokolova Anna D. – Candidate of Science (History), researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science.

Arnautova Julia E. – Doctor of Science (History), Senior Researcher, the Head of the Department of Historical Anthropology and the History of Everyday Life, Institute of World History, Russian Academy of Science.

Ситуация с «death studies» в современной науке

С.В. Мохов

«Death studies» как область исследований – сформировалась или нет?

Чем отличается ситуация в отечественной науке от ситуации за рубежом?

Если мы говорим о «death studies» в англоязычной академической среде – то, конечно же, как некая междисциплинарная область, она сформирована достаточно давно. То есть нужно понимать, что смерть это вообще одна из центральных тем для классической колониальной антропологии – представлениям о загробной жизни и похоронным ритуалам уделяли внимание и Бронислав Малиновский, и Рэдклифф-Браун, и Эванс-Притчард. Собственно, это и работы Р. Герца, до сих пор не переведенного на русский язык, в дюркгеймианском духе и знаменитая концепция обрядов перехода Арнольда ван Геннепа. Смерть для антрополога – это, пожалуй, одна из центральных тем наравне с рождением, свадьбой, призывом в армию. Я полагаю, что после 1970-х годов мы можем говорить и о возникновении, и развитии уже «death studies», применимых и к современным сообществам, а не только к колониальным сообществам.

Современные «death studies» включают в себя огромное количество самых разнообразных направлений и тем – от классической антропологии с акцентом на ритуальных практиках до исследований репрезентации смерти и умирания в медиа. То есть под одной шапкой «death studies» мы можем найти принципиально отличные друг от друга работы – как по языку, так и по исследовательской традиции. Поэтому работы встречаются очень разного уровня и значимости. Нужно признать, что при желании «мортальное» как некую категорию можно найти практически в любой области знания – от литературы до исследования технологий и техники. Например, сейчас особо активно разрабатываются темы новых медицинских технологий, биоэтики и т. д.

Подобная «широта» подхода играет и дурную роль для дисциплины – особенно в фокусе разработки понятийного и категориального аппарата. Психологи говорят о смерти совсем не так, как это делают антропологи, а антропологи – не так, как это делают исследователи медиа, и так далее. Поэтому огромное количество статей выходит не в специализированных журналах «death studies», а в нишевых изданиях – например, в геронтологии или тех же media studies.

Мохов Сергей Викторович, главный редактор журнала «Археология русской смерти», аспирант Школы социологических наук НИУ ВШЭ, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20, svmohov.hse@gmail.com.
Mokhov Sergei V., chief editor of the magazine "Russian Archaeology of Death", a graduate student of the School of Social Sciences of National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnickaya ulitsa, Moscow, 101000, Russia, svmohov.hse@gmail.com.

Современные журналы, которые позиционируют себя как death studies journal, последнее время акцентируют все свое внимание на умирании – исследовании паллиативной медицины, теории горя, оплакивания и т. д. При этом, всё происходит с серьезным преобладанием различных психоаналитических концепций. Фокус на умирании находится вполне в логике смещения акцента с исследования ритуалов на практические исследования, которые произошли после попыток очищения языка антропологии от колониализма.

Если быть совсем честными, то «death studies» как некое наименование дисциплины, на Западе чаще всего применяется именно к различным психологическим исследованиям смертности. То есть существует «death studies», а есть социология смерти, история смерти, антропология смерти и т. д. К сожалению, исследователей, которые изучают десятилетиями тему смерти и умирания, даже в самых разных фокусах, не так много.

Если говорить о неких локальных школах «death studies» – то можно, пожалуй, выделить две основные – американскую и британскую школу. Первая больше антропологическая по своей направленности (и даже историко-культурологическая), вторая – скорее социологическая и представлена деятельностью CDAS в университете Bath и лично Tony Walter. Главный печатный орган – журнал «Mortality».

В России говорить о «death studies», я думаю, совсем не приходится. Это не более десятка разрозненных исследователей, как правило – фольклористов, некрополистов-краеведов и археологов. В российском исследовательском поле не представлены ни проблемы паллиативной медицины, ни умирания, ни социальных факторов смерти – например, смерть бездомных людей. Надеюсь, что в ближайшие годы к этой теме интерес будет проявляться – вот и вы издаете специализированный номер, и мы делаем специализированный журнал – «Археология русской смерти» (deathanddying.ru).

Какие направления «death studies» недостаточно разработаны?

Наиболее перспективны? Какие интересные работы по теме Вы могли бы назвать?

Понятие «недостаточности» тут не совсем работает. Как я и отмечал выше, тему смерти можно найти при желании практически везде. Смерть и умирание это как марксизм/психоанализ – куда не обратим свой взгляд, то везде найдем какое-то подтверждение или факты умирания. По меткому замечанию К. Леви-Стросса, «антропология вообще может называться энтропиология» как раз потому, что вся наша жизнь это процесс постоянного распада.

Для меня смерть и умирание это профессиональная область – наверное, поэтому мне кажется, что не разработано буквально по всем фронтам. Учитывая мой личный интерес, мне бы хотелось больше исследований, связанных с новыми технологиями и материальными объектами, в фокусе акторно-сетевой теории. Мне эта тема кажется особенно интересной с учетом колоссальной скорости развития

и внедрения новых технологий – главным образом, медицинских. Мы живем в удивительное время, когда собираются провести первую операцию по пересадке головы, когда создают нано-роботов для очищения артерий, и даже идеи иммортализма не кажутся уже такими фантастическими.

Собственно особо актуальными и во многом прикладными для России является исследования в области медицинской антропологии и паллиативной медицины – исследования деятельности хосписов, качества умирания.

Среди основных работ, которые можно посоветовать к ознакомлению каждому, кто собирается изучать смертность:

Антропология:

1. Danforth, L. 1982. *The Death Rituals of Rural Greece*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
2. Davies, Douglas 2002. *Death, Ritual and Belief: The Rhetoric of Funerary Rites*. London, UK: Continuum.
3. Metcalf, Peter and Richard Huntington 1991. *Celebrations of Death: The Anthropology of Mortuary Ritual* (2nd edn). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
4. Robben, Antonius C. (ed.) 2004. *Death, Mourning, and Burial: A Cross-Cultural Reader*. Oxford, UK: Blackwell.

Социология:

1. Walter, Tony. 1994. *The Revival of Death*. London, UK: Routledge.
2. Goody, Jack and Cesare Poppi. 1994. 'Flowers and Bones: Approaches to the Dead in Anglo and Italian Cemeteries'. *Comparative Studies in Society and History*. 36: 146–75.
3. Bloch, Maurice and Jonathan Parry (eds). 1982. *Death & the Regeneration of Life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
4. Bauman, Zygmunt. 1992. *Mortality, Immortality and Other Life Strategies*. Oxford, UK: Polity Press.

История:

1. Laderman, Gary. 2003. *Rest in Peace: A Cultural History of Death and the Funeral Home in Twentieth Century America*. Oxford, UK: Oxford University Press.
2. Prothero, Stephen. 2001. *Purified by Fire: A History of Cremation in America*. Berkeley, CA: University of California Press.
3. Jalland, Pat. 1996. *Death in the Victorian Family*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Другое:

1. Corr, Charles, Kenneth Doka and Robert Kastenbaum. 1999. 'Dying and Its Interpreters: A Review of Selected Literature and Some Comments on the State of the Field'. *Omega*. 39: 239–59.
2. Stroebe, Margaret and Henk Schut. 1999. 'The Dual Process Model of Coping with Bereavement'. *Death Studies*. 23: 197–224.

3. Lock, Margaret. 2002. *Twice Dead: Organ Transplants and the Reinvention of Death*. Berkeley, CA: University of California Press.
4. Leming, Michael R. and George E. Dickinson. 2002. *Understanding Dying, Death and Bereavement* (5th edn). Forth Worth, TX: Harcourt.

Важен ли личный опыт переживания смерти среди исследователей, занимающихся «death studies»? Какие есть проблемы, связанные с вхождением в поле? Этический кодекс?

О да, это крайне важные темы, особенно для «death studies». Все же тема смерти делает ваше поле сензитивным и очень легко рушимым.

Я полагаю, что исследования смерти, как никакая другая область, больше всего нуждаются именно в чутком антропологическом подходе – глубокой и аккуратной этнографии (и даже автоэтнографии – чего особенно не хватает!) с максимальной исследовательской рефлексией. Здесь не работают опросы (по крайней мере, так, как их делают в России), не работают интервью без вхождения в поле. На это даже указывают исследователи, когда говорят о невозможности вхождения в поле. Поэтому – максимальная адаптивность и лояльность.

Подобные soft methods, аккуратно апробируемые к каждому конкретному полю – это основа «death studies». Это важно для того, чтобы не только понимать о чем говорит информант, но и чувствовать все различия и «слепые зоны», которые остаются не проговоренными, но обязательно должны присутствовать в общей реконструкции.

Про личный опыт и подобные перенесения отлично писали два ставших уже классическими антрополога – Йоханес Фабиан и Ренато Росальдо. Обе статьи этих авторов переведены нами для второго номера «Археологии русской смерти», кстати [Фабиан, 2016; Росальдо, 2016]. Так вот, и Фабиан и Росальдо указывают на методологические проблемы разговора и проговаривания о культурно близкой смерти и необходимости понимания и вживания в культурный контекст того сообщества, о котором вы пишете.

Избегает ли наше общество проблематики смерти, дистанцируется ли от нее, как это утверждается во многих исследованиях? Есть табуированность смерти как проблема?

Я скажу, что *нет*, и уже вижу, как за эти мои слова многие исследователи начнут кидать в меня камни. Но позвольте мне пояснить.

И начать, пожалуй, стоит с самых общих вещей. Первое, что мы должны признать – человек в начале XX века и тем более человек более раннего времени видел на порядок меньше смерти, чем это видим мы. Несмотря на все широко распространенные тезисы о «табуированности смерти», смерть сто лет назад и сейчас – это два и количественно и качественно различных смысловых поля.

Представьте себе жизнь крестьянина Центральной России первой четверти XX века. Если ему повезло, то он смог дожить до седин, а не умер в младенчестве.

Вокруг него умирает большое количество людей. Несчастные дети умирают от дизентерии, пожилые умирают с голоду и из-за отсутствия медицины, а взрослые мужчины – сыновья умирают на многочисленных войнах. Этот крестьянин постоянно видит смерть. Смерть каждодневную, смерть разную, но такую привычную.

Но этот крестьянин ничего не знает о других тысячах умирающих каждый день. Он не смотрит телевизор, не сидит в интернете, не развлекается просмотром боевиков и новостных хроник с яркими фотографиями и видеосъемкой очередных войн. Он не знает о массовом терроре, об отрезании головы неверным кафирам, о цунами и эпидемиях.

Да, крестьянин знает, как и кого нужно хоронить, отпевать, как кого помянуть. Как должны лежать руки у мертвого тела, как нужно приготовить кутью и как говорить во снах с приходящими родственниками. Но в то же время этот крестьянин ничего не знает о спонтанной мемориализации, поминовении жертв террора и массовых катастроф.

Если сравнить этого крестьянина и современного человека, то мы заметим, что последний почти не видит *смерть близкую*. Его кровные родственники почти все живы и здоровы – они получают квалифицированную медицинскую помощь. А если и умирают, то как правило в медицинских учреждениях, хосписах – смерть максимально запланирована. Современный человек не замечает и физически не видит смерть соседей, не чувствует смерти тысячи ежедневно умирающих совсем рядом людей.

Но с другой стороны, если продолжать сравнение, мы должны отметить, что XX век довольно серьезно изменил коммуникационное пространство и нашу повседневную жизнь. Мы, как люди Нового времени, знаем из истории о нескольких мировых войнах с миллионами погибших, об ужасающих геноцидах и холокосте, чувствуем на себе появление и угрозу применения атомного оружия. Мы каждый день получаем информацию о самых разнообразных убийствах и смертях.

По мнению Джеймса Грина, которое он высказал в своей книге «Beyond the Good Death» [Green, 2008], среднестатистический американец за год видит в СМИ, кино и интернете приблизительно 16 тысяч смертей. Джеффри Горер называет это «порнографией смерти» – ТВ-сериалы, сюжеты в массмедиа, откровенные демонстрации мертвых тел – всё это подверглось жесткой консьюмеризации. Секс и смерть – две наиболее эмоционально насыщенных темы. В этом плане смерть 70–90 лет назад отличается не только количественно, но и качественно.

Очевидно, что между современным человеком и человеком 100 лет назад существует колоссальная разница, огромный разрыв в восприятии смертности и смерти. Человек 100 лет назад не был включен в глобальное сообщество и не получал информацию из медиаканалов. Человек 100 лет назад видел больше смерть *face to face*: родственников и соседей, то есть тех, кого знал лично.

Современная же смерть, хоть и приобрела черты смерти массовой, популярной, но стала обезличенной.

Поэтому говорить о «табуированности», конечно, не приходится. Разное состояние по качеству – да. Разное по количеству – да. Но не табуированное.

В этом плане «табуированность смерти» вытекает из проблемы предыдущего вопроса – о методах и этике. «Табуированность смерти» очень удобная исследовательская позиция – автор как бы говорит нам: «посмотрите, тема табуирована – про нее сложно говорить, ее сложно изучать». Однако зачастую этим прикрываются очевидные слабости в методологии и работе непосредственно в поле – когда исследователь просто не понял, как можно говорить и писать о смерти со своими информантами.

Не вызывает сомнения, что представления о смерти и посмертном существовании различаются у представителей разных конфессий и мировоззрений. А можно ли выявить различия для людей разного пола, возраста, образования, социального положения и т. д.?

Да, конечно. Правда, я вынужден признать, что меня такие исследования не очень привлекают, но их достаточно много. Например, я упоминал уже выше исследования об умирании социально незащищенных людей – бездомных. Или гранд-исследования о представлениях рая и ада и загробной жизни у американцев пенсионного возраста. Или исследования в области «похоронной бедности». Тем достаточно много, если читатели захотят – они смогут всегда найти что-то на интересующую их тему.

Как развитие массмедиа и интернет влияет на наше представление о смерти? Как может измениться наша жизнь и смерть с развитием технологий и медицины?

Конечно, и интернет и массмедиа изменили наше коммуникационное пространство и отношение к смерти и умиранию. Я как-то писал небольшую заметку на эту тему и сейчас позволю себе воспроизвести несколько принципиальных моментов:

Во-первых, интернет дает возможность быть постоянно онлайн. В любое время суток человек может найти собеседника или по крайней мере того, кто выслушает и ответит. Интернет позволяет постоянно ощущать близкое присутствие человека, когда это так необходимо. Видеостриминг, онлайн-сообщества, форумы и конференции создают ощущение кого-то рядом. Человек, погруженный в состояние одиночества и переживания личных проблем, получает шанс ощутить себя нужным кому-то. По этому принципу действуют группы онлайн-поддержки тяжелобольных и умирающих людей.

Во-вторых, интернет выступает как персональный автобиограф – как способ конструирования идентичности. Не только живых людей, но и мертвых и умирающих. Любой человек может построить любой образ, любую легенду и миф. Так, умирающие люди заводят блоги, снимают видео, пишут посты. Интернет позволяет им создавать свое символическое бессмертие через биографию.

Интернет – это способ создания собственного образа, собственного медийного «я». Аватарки, музыка, перепосты картинок и цитат – всё это один из активных инструментов саморепрезентации. И это касается смерти. Раньше человек имел несколько вполне традиционных способов выстраивания биографии – например, поминальные причитания. Интернет изменил способ плача, но не сам ритуал – виртуальные страницы памяти стали новой формой поминального обряда.

В-третьих, интернет-контент не приватизируется близкими людьми после смерти. Каждый желающий может воспользоваться абсолютно любым элементом, любой составной частью контента, чтобы создать свою собственную историю умершего человека. Право на личные вещи умершего больше никак не принадлежит семье. Можно легко взять картинку, пост со стены мертвого человека и сделать с ним свою маленькую историю. Интернет делает смерть публичной.

В-четвертых, это, конечно, то, что виртуальное пространство само по себе начинает выражать идею бессмертия, идею жизни после смерти. Если раньше обращения к умершему человеку происходили через традиционные религиозные практики, то сейчас именно страница в социальных сетях представляет собой место, где продолжает жить умершей человек. Он тебя слышит, он отвечает тебе, он продолжает жить.

И, пожалуй, последнее, шестое – интернет создает безграничные возможности для практически любых девиаций, как сексуальных, так и мортальных. Хочешь смотреть мертвые тела? Легко. В этом плане интернет не создал ничего нового – он как средство коммуникации вообще создавать ничего нового не может, а всего лишь дает возможность прежним девиациям реализоваться здесь и сейчас.

Если говорить о медицине и технологиях – я об этом упомянул уже выше. Мы живем в удивительное время, когда именно технологии создают наши социальные отношения – начиная от гаджетов и заканчивая нанотехнологиями. И, конечно, это коснется и качества нашего умирания и представлений о смерти. В том числе и в фокусе вообще того, что такое человек. Если можно пересаживать голову, если можно будет создавать голографические изображения живого человека – сохранять и воспроизводить, копировать личность – то это принципиально изменит наше восприятие смерти. Надеюсь, что мы станем этому свидетелями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Росальдо Ренато. Скорбь и гнев охотников за головами / пер. с англ. Алексея Евтягина и Сергея Мохова // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 177–202. URL: <http://deathanddying.ru/wp-content/uploads/2016/09/9.-скорбь-гнев-охотников-за-головами.pdf> (дата обращения: 01.10.2016).

Фабиан Йоханес. Как умирают другие: рефлексия об антропологии смерти / пер. с англ. Ольги Трефиловой // *Археология русской смерти*. 2016. № 2. С. 205–231. URL: <http://deathanddying.ru/wp-content/uploads/2016/09/10.-Как-умирают-другие-размышления-об-антропологии-смерти.pdf> (дата обращения: 01.10.2016).

Green J.W. *Beyond the Good Death – The Anthropology of Modern Dying*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.

References

Rosal'do Renato. Skorb' I gnev ohotnikov za golovami. Perevod s anglijskogo Alekseja Evtjagina I Sergeja Mohova [Grief and a Headhunter's Rage: On the Cultural Force of Emotions. Translation from English Evtjagin Alexei and Sergei Mokhov], in: *Arheologija russkoj smerti* [Archaeology of Russian deaths]. 2016. № 2. P. 177–202. URL: <http://deathanddying.ru/wp-content/uploads/2016/09/9.-скорбь-гнев-охотников-за-головами.pdf> (available at: 01.10.2016) (in Russian).

Fabian Johanes. Kak umirajut drugie: refleksija ob antropologii smerti. Perevod s anglijskogo Ol'gi Trefilovoj [How Others Die – Reflections on the Anthropology of Death. Translated from English by Olga Trefilova], in: *Arheologija russkoj smerti* [Archaeology of Russian deaths]. 2016. № 2. P. 205–231. URL: <http://deathanddying.ru/wp-content/uploads/2016/09/10.-Как-умирают-другие-размышления-об-антропологии-смерти.pdf> (available at: 01.10.2016) (in Russian).

Green J.W. *Beyond the Good Death – The Anthropology of Modern Dying*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.

«Death studies» – разговор о жизни и о будущем

С.А. Еремеева

«Death studies» как область исследований – сформировалась или нет? Чем отличается ситуация в отечественной науке от ситуации за рубежом?

«Death studies» как область исследований сформировалась в западной гуманитарной науке; в России, как мне кажется, ощущения общего поля (а это именно поле и фокусировка) не существует. Поэтому все исследования, которые можно было бы считать принадлежащими «death studies», носят маргинальный характер по отношению к несуществующей области специфического и структурированного знания. Этнографы и антропологи среди других лиминальных обрядов могут описать и похоронный. Социологи, исследуя, например, повседневные практики горожан, отметят и связанные со смертью. Филологи с энтузиазмом поговорят о «мортальности» в литературе. Искусствоведы проанализируют соответствующие визуальные образы. Все это складывается в «отрывок, взгляд и нечто».

«Death studies» не могут существовать только в академическом поле, они сильно зависимы от социальных практик. Начиная с 70-х в Америке и Европе не только регулярно появлялись исследования о смерти, не только создавались журналы и организовывались конференции, но и проводились широкие дискуссии. И в результате сегодня, например, для сайта американского фонда TED (его миссия – «распространение уникальных идей, касающихся более глубокого понимания мира»), который проводит ежегодные конференции и выкладывает видеозаписи (с сопутствующими обсуждениями, блогами и статьями), тема смерти абсолютно нормальна. И по тому, как говорят, и по тому, как воспринимают, понятно, что смерть в Америке стала частью публичной культуры XXI века. Не исключаю, кстати, что именно такое положение вещей дало возможность пережить трагедию 11 сентября.

Британский социолог Б. Фаулер, считающая, что главным предметом «death studies» являются «символические процессы, обосновывающие социальный порядок», тут же определяет их смысл не только для исследователей, но и для общества как «битвы против ничтожности и бессмысленности» существования. Это два взаимообусловленных процесса.

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6, u5020@yandex.ru.

Eremeeva Svetlana A., PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities, 6, Miussky Sq., Moscow, 125993, Russia, u5020@yandex.ru.

Какие направления «death studies» недостаточно разработаны? Наиболее перспективны? Какие интересные работы по теме Вы могли бы назвать?

Дело как раз не в направлениях, а в конструировании общих смысловых рамок, внутри которых не смерть, конечно, а опосредованные отношения с ней и к ней, становятся исследовательским инструментом. Мы не можем изучать смерть, но мы можем изучать с разных (дисциплинарных) точек зрения процесс выстраивания отношений со смертью. Для создания таких рамок необходимо перевести какие-то базовые работы, например, Э. Беккера («Отрицание смерти»), Н. Элиаса («Одиночество умирания»), З. Баумана («Смертность, бессмертие и иные жизненные стратегии»), Т. Уолтера («Возрождение смерти»); хрестоматию, составленную Роббенем («Смерть, скорбь и погребение»). Для меня, прежде всего, были бы интересны работы по изменению отношения к смерти в России, драматично складывающееся в XX веке. Кроме книги Кэтрин Мерридейл («Ночь камня») я, пожалуй, не могу назвать значительных работ по этой теме.

Мне кажется, что в появляющихся в России исследованиях недостаточен интерес к этическому измерению смерти, к ее осмысленности, не выработано конвенциональное определение «достойной смерти», нет понимания того, что сегодня считается значимой и незначимой смертью. А может, просто нет уважения к смерти. Думаю, это связано со слабым ощущением субъектности. Отношение к смерти есть один из значимых параметров личности, в неявной форме содержащее систему ценностей, регулирующую отношения в жизни. Разговор о смерти есть всегда разговор о жизни и о будущем (что именно оказывается важным сохранить и передать), но этот разговор не востребован сегодня.

Важен ли личный опыт переживания смерти среди исследователей, занимающихся death studies? Какие есть проблемы, связанные с вхождением в поле? Этический кодекс?

Мне кажется, это очень опасный путь – исследовать смерть исходя из личного эмоционального опыта. Это, скорее, путь веры, если судить по «Житию протопопа Аввакума», описавшему эпизод из своего детства: «Аз же некогда видел у соседа скотину умершу, и той ноши, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся ноши молитися». Тот или иной опыт переживания смерти есть у каждого человека, его количество вряд ли как-то коррелирует с качеством работ по теме.

Другое дело, что нужно понимать и принимать риски. В гуманитарной области мы, сознательно или полусознательно, в той или иной степени исследуем людей (филолог имеет дело не только с текстом, историк – не только с источником, искусствовед – не только с артефактом; все мы имеем дело со стоящей за ними производящей инстанцией, т. е. человеком). Человек перед лицом смерти – человек в экзистенциальных обстоятельствах. Всегда. Ну а дальше – что-то прилизительно той мысли Ницше, что если долго смотреть в бездну, она заглянет в тебя.

Я занималась проблемами памяти в академическом сообществе (Россия, конец XIX – первая половина XX вв.). И обратила внимание на большое количество некрологических текстов, существующих в этой среде и концентрирующихся не только вокруг умерших, но и вокруг фигуры поминающего. Оказалось, что некоторые ученые создали за жизнь не один десяток поминальных текстов, что заставило предположить, что если удастся увидеть их как общий, континуальный текст, то это окажется текст о живом авторе, а не о мертвых героях (важно то, что сам автор в данном типе высказываний представляется себе маргинальным, он говорит о другом человеке, а о себе только проговаривается). Перед лицом смерти (даже чужой) человеку сложно лгать о самом себе. Мне удалось таким образом поработать с некрологами, написанными академиком С.Ф. Ольдебургом. Они действительно дали чрезвычайно интересную картину внутренней динамики личности, можно было проследить трансформации системы приоритетов и ценностей и попытаться интерпретировать их в соотношении с внешними обстоятельствами. А внешние обстоятельства были такими: служба Непременным секретарем Академии наук с 1905 по 1929 г.; кадетский министр просвещения между двумя революциями; «спасатель» АН при большевиках, пытающийся исключить ее из политического поля и сохранить... Через написанные Ольдебургом некрологи все это читалось: и четко осознаваемая задача строительства академической среды и сети, и широкое понимание условий научного производства, включающего в значительной степени личностные характеристики, и растерянность 1918 года, вылившаяся в попытку по-новому очертить для себя культурное поле, где наука была лишь одной из составляющих, и редукция норм человеческого взаимодействия при спасении Академии... Сергей Федорович пошел на сознательное сотрудничество с большевиками, надеясь сохранить в той или иной степени не только науку и научное сообщество, но и относительную автономность их от власти. Десять лет он верил (и хотел верить) в эту иллюзию. Нет никаких оснований подозревать его в неискренности. Но в человеке есть всегда что-то, что он знает о себе, не зная об этом знании. Анализируя его некрологи послереволюционного десятилетия, я увидела разрушительную трансформацию личности. Похоже, что это было результатом пути компромиссов с властью. Было страшно. Около года я вообще не занималась этими проблемами.

Избегает ли наше общество проблематики смерти, дистанцируется ли от нее, как это утверждается во многих исследованиях? Есть табуированность смерти как проблема?

Я думаю, о табуированности впрямую говорить не стоит. Точнее, это особый вид табуированности – самотабуированность как самоцензура – как бы чего не вышло. Это привычка к молчанию на данную тему, сформированная в советские годы. Вне всякого сомнения – это не культурный запрет. По частоте цитируемости в исторических работах об отношениях человека со смертью, после Ф. Арьеса, второе имя – Лев Толстой с его «Смертью Ивана Ильича». С вечным изумлением – как можно было в XIX веке так свободно говорить о смерти! Николай Федоров международной рецепции не удостоился, но для русской культуры конца XIX – начала XX вв. вполне показателен. Однако смерть была присвоена советским государством – уже 7 декабря 1918 года был принят «Декрет о кладбищах и похоронах». Одновременно

властью смерти был приписан смысл и предписан обряд. Тотальный контроль над смертью усиливался, вплоть до отрицания права знать родным и близким о самом факте жизни и смерти – «десять лет без права переписки» переводили человека в межеумочный статус ни живого, ни мертвого. Более полувека молчания (кстати, практика некрологов в академической среде превратилась в формальную) даром не проходят.

Дело теперь уже не столько в привычке молчать, сколько в утрате языка и дискурса. Да и государству не так просто отказаться от былого могущества над телами и душами. В результате даже самый простой разговор о смерти легко принимает политический оттенок, идет ли речь о потерях во Второй мировой войне или при Голодоморе, захороненных до сих пор погибших солдатах Второй мировой, культе победы, жертвах репрессий или засекречивании могил псковских десантников в 2014 году.

Тут вскрывается целый набор этических проблем. Где могилы героев и где могилы жертв? Кого предписано почитать сегодня? Насколько государство вправе вмешиваться в последние проводы? Может ли человек хотя бы в смерти быть свободен от власти? Как очерчиваются границы личностного пространства? Это опять вопрос рисков – теперь уже во многом со стороны общества. Насколько оно к ним готово – отдельный разговор.

Не вызывает сомнения, что представления о смерти и посмертном существовании различаются у представителей разных конфессий и мировоззрений. А можно ли выявить различия для людей разного пола, возраста, образования, социального положения и т. д.?

Для современной России, безусловно, существуют поколенческие различия. Это видно по периодически возникающим обсуждениям в соцсетях. Разговор о смерти среди людей старше 50 (всегда в таких случаях проверяю профиль) пресекается. Причем весьма однотипно. Как только в комментариях появляется дежурная цитата «если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой», дальше можно не смотреть.

Гораздо содержательнее умеют говорить об этом молодые люди (15–35) – причем они находят слова и для собственного опыта умирания и смерти, и для собственного опыта переживания утраты. У них есть мужество стоять рядом с бездной, не закрывая глаз.

Публичного дискурса у нас пока не появилось, но появляется личный. Порой ритуал формируется раньше, чем дискурс (Гидденс утверждал, что ритуал вырастает из дискурса) – когда происходит катастрофа, люди, ощущающие потребность ритуального жеста, помогающего справиться со страхом и болью, несут на стихийно сложившееся поминальное место цветы, свечи и игрушки (если среди погибших были дети). Но они не хотят говорить с журналистами – я думаю, они просто не знают, как, зачем и о чем. Если событие имеет политическое измерение, то с разговором

еще как-то справляются, выходя на проблемы межгосударственных отношений и ответственности власти. Но если измерение человеческое (жертвы авиакатастрофы), то для реакции нет ни дискурса, ни нарратива. Если исходить из того, что в данном случае среда коммуникации – память, а инструмент – язык и ритуал, то мы оказываемся перед почти полным отсутствием условий для коммуникации (некому говорить, не к кому обращаться, нет языка). Кроме того, опыт последних лет показал, что публичный разговор о смерти тут же блокируется властью – будь то указ президента «О внесении изменений в перечень сведений, отнесенных к государственной тайне», обезличивающий смерть военных в мирное время, или запрет Роскомнадзора описывать причины самоубийства онкобольных в СМИ. То есть как только появляется повод для подобного разговора, коммуникационная ситуация тут же разрушается авторитарным вмешательством.

Предписанное авторитарным государством разделение в смерти (и в памяти) продолжается. Поэтому танцы на фоне памятника защитникам Малой земли осуждаются и наказываются на уровне власти (вопрос о том, есть ли там реальное захоронение, не принципиален – мемориал символизирует героическую, значимую смерть), речь идет о смерти, которую предписано помнить всегда. Память о другой смерти нивелируется – Бутовский полигон тесно обставлен жилыми домами, а местные жители на форуме охотно рассказывают о хорошей экологии и патриаршей службе раз в год (без уточнения, что она приходится на день памяти Собора новомучеников, в Бутове пострадавших). Агентом памяти о смерти оказывается церковь. Иногда на государственном уровне предписывается забвение – на месте домов на улице Гурьянова и на Каширском шоссе, взорванных в 1999 году, хотя память формально увековечена, поминовение в дату трагедии носит частный характер, собираются родные и близкие погибших. Место трагедии на Гурьянова застроено.

**Как развитие массмедиа и интернета влияет на наше представление о смерти?
Как могут измениться наша жизнь и смерть с развитием технологий и медицины?**

Отсутствие мертвых в культуре – ненормально. И эта ненормальность в нашей ситуации играет гораздо более важную роль, нежели влияние интернета. Изменения в отношениях со смертью происходят на глубинном уровне «времени большой длительности» (если следовать градации Ф. Броделя), даже при условии целенаправленной политики и властного давления на практики смерти потребовалось несколько поколений для изменений (при этом у нас нет сведений, насколько изменилось именно отношение, связанное с формированием отношений с мертвыми; были уничтожены средства репрезентации, что внутри – мы не знаем). Да, страх, порожденный террором, публичные процессы над уже раздавленными людьми, невозможность прощания и поминания – всё это привело к разрушению чувства собственного достоинства. Человек умирал униженным – поэтому ему так сложно вернуться сейчас в жизнь в качестве предка, достойного мертвого.

Интернет и массмедиа могут оказаться пространством для обсуждения и выработки дискурса о смерти. Но это только еще один инструмент, еще одна площадка (для

исследователя – еще один источник); никакой сущностной новизны с точки зрения культурных изменений я здесь не вижу. Да, именно в сети появляются обсуждения вопросов, связанных со смертью (некоторые темы выходят в СМИ), сюда переносятся адаптированные практики из реальной жизни (в формате light) – создаются виртуальные кладбища или мемориальные статусы, например, но здесь важнее как раз обсуждения вокруг этих практик, порой чрезвычайно интересные.

Сила и слабость интернета и массмедиа – оперативность и мгновенность. Этим надо как-то научиться пользоваться. В New York Times есть рубрика, где публикуются видеоподкасты с известными людьми, записанные специально для того, чтобы показать их после смерти героя. Такой способ поминания, конечно, бесценен. Но эти формы еще надо найти. С другой стороны, мгновенность оборачивается мимолетностью. И тогда сущностно важный ЖЖ-блог Антона Буслова – человека, пробившего стену молчания вокруг умирания и борьбы за жизнь, показавшего саму возможность разговора о смерти – через несколько лет собирается и печатается в виде традиционной книги («Между жизнью и смертью»).

Что касается изменений, связанных с медициной и технологиями, то это к любителям поговорить о грядущем бессмертии. По мне так человек как раз и интересен своим существованием в присутствии смерти, которую он осознает.

Замечания о значении «death studies» в современной науке

А.Д. Соколова

«Death studies» как область исследований – сформировалась или нет? Чем отличается ситуация в отечественной науке от ситуации за рубежом?

На мой взгляд, ситуация в отечественной науке и мировой в этом отношении отличается коренным образом. В «западной» науке «death studies» – это сложившаяся и хорошо разработанная область знания, которая вполне осознает свою самостоятельность и границы. Это профессиональное сообщество со своими журналами и профессиональными ассоциациями, международными и национальными. В качестве примера назову «The Association for the Study of Death and Society» (ASDS) и издаваемый ею журнал «Mortality», хотя они не являются единственными в этой области.

В нашей стране ситуация принципиально иная. В течение долгих советских лет исследований проблем, связанных со смертью, было крайне мало, поскольку тема смерти и умирания выпадала из советского дискурса и в целом была табуирована. Ситуация начала постепенно меняться с конца 1970-х годов. В 1990 году в Институте славяноведения РАН выходит сборник под редакцией Вяч.Вс. Иванова и Л.Г. Невской «Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд», который был, наверное, первой попыткой обобщить результаты исследований в области похоронного обряда, проведенных археологами, этнографами, фольклористами в предшествующие годы [Исследования... 1990].

К сожалению, до последнего времени российские исследования, связанные со смертью, были практически полностью ограничены изучением традиционной похоронно-поминальной обрядности, оставляя в стороне огромные кластеры исследовательских вопросов, связанных с новыми обрядовыми формами, структурой похоронной инфраструктуры, социологией и экономикой похорон, а также более широкий контекст вопросов о смерти, умирании, и технологическом бессмертии, которые ставит перед нами современный мир. Я надеюсь, что работа нашего журнала «Археология русской смерти» (<http://deathanddying.ru>) поможет нашим исследователям преодолеть этот исторический разрыв с мировой наукой и значительно расширить горизонт исследований, а также сформировать полноценное исследовательское сообщество.

Соколова Анна Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, annadsokolova@gmail.com.

Sokolova Anna D., Candidate of Science (History), Researcher in the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science, 32 A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, annadsokolova@gmail.com.

Какие направления «death studies» недостаточно разработаны? Наиболее перспективны? Какие интересные работы по теме Вы могли бы назвать?

–

Важен ли личный опыт переживания смерти среди исследователей, занимающихся death studies? Какие есть проблемы, связанные с вхождением в поле? Этический кодекс?

Я думаю, что это очень сильно зависит от исследователя и от ситуации. Для кого-то личный опыт может оказаться плодотворным, раскрыть предмет исследования с неожиданной стороны, для других – наоборот сбить фокус и сместить рефлексию в сторону не научного спиритуализма. Зависит от ситуации.

Этические проблемы, также как и проблемы, связанные со вхождением в поле, есть в любой исследовательской области, и столкновение с ними – это тот вызов, который дает исследователю дополнительный импульс, делает работу приключением. Мне кажется, что, как и в любой полевой работе, нужно пытаться «войти в поле» с самых разных сторон, благо тема смерти и умирания дает для этого огромные возможности. Что касается этики – я не уверена, что необходим какой-то отдельный формальный этический кодекс, но общие положения антропологического кодекса, такие как открытость своего статуса как исследователя, защита персональных данных информантов и др., должны соблюдаться.

Избегает ли наше общество проблематики смерти, дистанцируется ли от нее, как это утверждается во многих исследованиях? Есть табуированность смерти как проблема?

Я думаю, что проблема табуированности смерти и умирания в большей степени касается советского дискурса, чем современного. В советской системе ценностей допустимой была только героическая смерть. Именно с ней мы постоянно встречаемся в советском массовом искусстве – Павлик Морозов, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Николай Гастелло, 26 бакинских комиссаров, герои-панфиловцы и т. д. Конечно, Великая Отечественная война дала огромное число примеров по-настоящему героической смерти, и это, безусловно, должно было найти отражение в культуре. Примечательно то, что разговор об обычной, рядовой смерти или умирании оказался практически невозможен. Умирание, а тем более умирание медленное, болезненное, травматичное, с трудом вписывается в картину наступающей эры социализма. Поэтому разговор о нем невозможен, также как невозможно присутствие искалеченных инвалидов войны на улицах советских послевоенных городов. Инвалиды должны быть переселены на отдаленный Валаам, а весь моральный дискурс оказался вытеснен на периферию советской культуры, в области, которые сами находились на грани умирания под постоянной опасностью репрессий. Например, все творчество Андрея Платонова – это постоянная рефлексия об умирании и о выживании в условиях, непригодных для жизни. Но Платонов, конечно, бесконечно далек от доминирующего дискурса.

Такое вытеснение во многом стало причиной неразработанности вопросов, связанных со смертью и умиранием в советской гуманитарной науке, о котором я говорила выше. Сейчас, как мне кажется, ситуация меняется. Мы постепенно учимся говорить о смерти и умирании в публичном пространстве, и это меняет не только наше общество и его отношение к умиранию, паллиативной медицине, но и открывает новые возможности для исследователей смерти, делает научное сообщество более открытым к этим вопросам.

Не вызывает сомнения, что представления о смерти и посмертном существовании различаются у представителей разных конфессий и мировоззрений. А можно ли выявить различия для людей разного пола, возраста, образования, социального положения и т. д.?

Конечно можно. Очень многое зависит от образования и образа жизни человека, и здесь работают те же закономерности, что и в других областях духовной жизни – пожилые люди, женщины, а также люди с низким уровнем образования более консервативны в своих представлениях; кроме того, эти группы имеют, как правило, более оформленные представления, связанные со смертью. Однако мне не кажется, что этот факт имеет большое значение в тех трансформациях смертного дискурса, который происходит вокруг нас.

Как развитие массмедиа и интернета влияет на наше представление о смерти?

Безусловно, новые информационные технологии оказывают определенное влияние на наши представления о смерти. С одной стороны, через эти каналы распространяется естественно-научное знание, относящееся к секулярному дискурсу, а с другой – различные не традиционные для нашей культуры мистические и религиозные представления о смерти и посмертному существованию. Оба эти канала влияют на традиционные представления о смерти, приводя к тем причудливым трансформациям, свидетелями которых мы являемся.

Как могут измениться наша жизнь и смерть с развитием технологий и медицины?

Безусловно, основные философские, экзистенциальные и этические вопросы, которые возникают перед нами в этой связи, – это вопрос о том, насколько долго можно искусственно продлевать жизни и что такое смерть. В этой связи актуальными становятся идеи иммортализма, имеющие долгую историю в нашей культуре, вновь возвращающие нас к идейному наследию Николая Федорова и русских биокосмистов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / отв. редакторы Вяч.Вс. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. 256 с.

REFERENCES

Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obrjad. Otv. Redaktory Vjach.Vs. Ivanov, L.G. Nevskaja [Research in Balto-Slavic spiritual culture. The funeral rite. Ed. Vjach.Vs. Ivanov, L.G. Nevskaja]. M.: Nauka Publ., 1990. 256 p. (in Russian).

«Death studies» – взгляд медиевиста

Ю.Е. Арнаутова

«Death studies» как область исследований – сформировалась или нет? Чем отличается ситуация в отечественной науке от ситуации за рубежом?

Какие направления «death studies» недостаточно разработаны? Наиболее перспективны? Какие интересные работы по теме Вы могли бы назвать?

Я позволю себе объединить первые два блока вопросов, т. к. они в целом касаются состояния исследований. Смерть как тема для исследований – проблема принципиально трансдисциплинарная, или «наддисциплинарная», так что трудно себе представить, в какой бы области знания могло появиться относительно «стереоскопическое» ее исследование. Общую картину в отдельных дисциплинах представить себе также довольно сложно – без особого повода гуманитарии разных специальностей редко читают друг друга. Полагаю, предложенная Вами дискуссия отчасти может восполнить этот пробел.

Как медиевисту мне относительно понятна ситуация в моей области: изучение смерти и разнообразной проблематики, с нею связанной, в медиевистике – давняя, привычная и во всех отношениях разработанная тема. Во-первых, потому что западно-европейское Средневековье – это эпоха господства во всех сферах жизни христианства как религии, для которой тема смерти (и загробного мира) исключительно важна, это эпоха, когда волна чумных эпидемий («черная смерть») поразила воображение современников своей масштабностью и чудовищностью последствий, так что общественная рефлексия о смерти (и ценности жизни), кажется, впервые выходит за рамки религиозного дискурса. И, как минимум, в сфере изучения представлений о загробном мире, поминальной практики, символики смерти в искусстве, в исторической теологии и демографии исследования велись задолго до того, как «death studies» стали «брендом». Во-вторых, среди всех исторических дисциплин медиевистика всегда была наиболее чуткой к появлению новых подходов и сфер исследования, своего рода «испытательным полигоном» для них. Неудивительно поэтому, что, когда вышла сегодня всем известная книга Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» (1977), давшая мощнейший интеллектуальный импульс «death studies», первыми на нее откликнулись медиевисты (ведь уже существовала солидная база исследований), прежде всего – М. Вовель с его отчасти альтернативным трудом «Смерть и Запад с 1300 до наших дней» [Vovelle,

Арнаутова Юлия Евгеньевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом исторической антропологии и истории повседневности Института всеобщей истории РАН, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32 А, jarnautova@mail.ru.

Arnautova Julia E., Doctor of Science (History), Chief Research Worker, Head of the Department of historical anthropology and the history of everyday life, Institute of World History, Russian Academy of science, 32 A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia, jarnautova@mail.ru.

1983]. В нашей стране тему смерти ввел в исследовательский оборот А.Я. Гуревич. В самом первом выпуске альманаха «Одиссей. Человек в истории» (1989) вышла его статья «Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии», в которой он не только дал подробный обзор уже имеющихся наработок медиевистов – путеводную нить для будущих исследователей, но и теоретически сформулировал и обосновал на конкретном материале (в том числе и скандинавских саг) подход к смерти как к антропологическому аспекту *всей* социально-культурной системы, позволяющий более глубоко и многосторонне увидеть целое – общественную жизнь людей, их ценности, идеалы, отношение к жизни, культуру и психологию. Несколько иной подход – с точки зрения исторической демографии – продемонстрировал тогда же Ю.Л. Бессмертный в его книге «Жизнь и смерть в Средние века» [Бессмертный, 1991]. Впоследствии А.Я. Гуревич в той или иной степени касался «антропологии смерти» практически во всех своих монографиях, неизменно делая акцент на представлениях средневекового человека о судьбе его бессмертной души после смерти – в христианской культуре именно они принципиальным образом воздействуют и на саму трактовку смерти, и на поведенческие установки в отношении нее.

В какой мере тема смерти представлена у историков-русистов, судить не берусь, но то, что после публикаций наших мэтров вала сопоставимых по масштабу работ медиевистов не последовало (упомяну лишь интересную дискуссию А.Я. Гуревича и М.А. Бойцова о практике поругания умершего правителя в «Одиссее»-2003) – вполне объяснимо. Во-первых, нас мало, и мы находимся на периферии европейской медиевистики по той простой причине, что занимаемся не «своей» историей, вдали от архивов и библиотек, тогда как историография «death studies» стран, некогда составлявших «латинскую Европу», уже необозрима. Во-вторых, источников (особенно по раннему Средневековью) не так уж и много, особенно таких, к которым применим используемый в данном случае историками вопросник этнолога или психолога (отношение к смерти в обществе и в частной жизни, восприятие смерти – своей или близких, ритуалы, и т. п.). Иными словами, «научная мода» (в хорошем смысле слова) на «смерть как проблему исторической антропологии» у нас, как и во всем мире, прошла. Это нормальный процесс в науке, потому что в последние полвека темп ее развития ускорился, научные направления живут не более 20 лет. Все самые значительные работы о смерти в сфере антропологически ориентированной медиевистики вышли в 80-е – начале 90-х гг.¹ А когда все большие и новые идеи (а много их не бывает) уже высказаны «классиками», последователям остается только детализировать их, находить новые примеры, применять на новом материале и (или) исторической эпохе, уточнять, изредка – оспаривать.

¹ Помимо упомянутых выше (и библиографии в них), к таким «классическим» работам я бы причислила масштабные исследования о чуме: [Biraben, Le Goff, 1975–78]; замечательные подборки статей в: [Death in the Middle Ages, 1983] и [Tod im Mittelalter, 1993]; обобщающее исследование [Ohler, 1990]. Всем им предшествовала объемная работа: [Kyll, 1972], после которой, кажется, ничего принципиально нового о сопровождающих смерть ритуалах, деталях погребения, проводах покойника и поминках сказано не было.

Понятно, что исследовательское поле фрагментируется, знания просто умножаются, но о каких-то «прорывах» говорить уже не приходится. Параллельно полученное знание спускается на «нижние этажи» – на уровень научно-популярной литературы про «смерть в Средние века» (в Германии она, например, просто замечательная).

Однако все это не означает, что тема смерти уходит из медиевистики. Она, скорее, меняет формат. Если можно так выразиться, «инструментуализируется»: всё, что связано со смертью, например, поминальная практика, погребения, завещания, грамоты о дарениях «на помин души», – используется как источники для разработки самых разнообразных тем из сферы социальной истории, экономической, истории памяти. Об одном таком направлении – об изучении средневековой культуры воспоминания (или вспоминания), *memoria*, – я хотела бы рассказать подробно, поскольку пропагандирую его уже много лет [Арнаутова, 2003а; 2003б; 2006].

Латинским термином *memoria*, который предпочтительно не переводить, чтобы не путать с более широким и многоаспектным понятием «память», обозначается комплекс представлений и практик, относящихся к памяти о мертвых в Средние века в самом широком смысле – как литургическое поминовение (*commemoratio*), заключающееся в назывании имени поминаемого во время богослужения и в поминальной трапезе, так и обширный комплекс представлений и социальных действий, которые связывают живых и мертвых в повседневной жизни. Основы *memoria* лежат в сфере религиозного мышления и литургии, однако она манифестируется в самых разных областях жизни – от искусства до правовых и хозяйственных отношений.

Изучение *memoria* начиналось в конце 1950-х гг. как феномен исключительно немецкой историографии. В рамках программы по изданию источников истории (Г. Телленбах, Й. Воллаш, К. Шмид) предприняли публикацию обширного фонда рукописей из разных архивов, содержащих списки имен для поминовения. Эти списки получили собирательное название *libri memoriales* – поминальные книги. Сначала их использовали для изучения истории знатных родов и отдельных персон. Было замечено, что записи в них образуют некие группы, часто написанные разными чернилами (члены монашеской общины, родственные или объединенные по иному принципу группы). В конце 1960-х гг. К. Шмид и группа мюнстерских историков, среди них и О.Г. Эксле, анализируя такие группы для выявления родственных отношений, «географии» родов, вовлеченности их в ряды монашества, обнаружили, что решающим фактором при выборе родства являются не реальные генеалогические связи, а сознание человека: с кем ощущает он себя в родстве – вопрос не крови, а самоидентификации. Так изучение религиозных групп и групп кровного родства в *libri memoriales* привело к принципиально новой и многообещающей постановке проблемы: об отношении индивида и группы в Средние века, о факторах, обуславливающих образование группы и идентичность ее членов. Группообразующая функция *memoria* стала интенсивно изучаться [Schmid, Wollasch, 1967; Schmid, Wollasch, 1975; Gedächtnis, 1985]. Причем, если сначала в качестве таких групп по традиции выделяли «монахов» и «знать»

(позднее к ним прибавились «горожане») [Oexle, 1978; Schmid, 1983; Althoff, 1984; Oexle, 1990], то в 1980–1990-е гг. исследования распространились на гильдии, цехи, дружеские союзы (*amicitiae*) и другие группы, объединенные не кровным родством, а на основе взаимных обязательств или общего рода деятельности [Borgolte, 1989; Althoff, 1990; 1992; *Memoria in der Gesellschaft*, 1994]. Параллельно шло изучение и самой практики литургического поминовения (*commemoratio*), а также комплекса связанных с нею представлений (о смерти, об «общественном статусе» мертвых) и порожденных ими социальных действий [см., напр.: *Memoria*, 1984; Арнаутова, 2016]. Постепенно историки наряду с литургической стали выделять и другие формы *memoria* – историографическую, изобразительную, монументальную: в проекты были вовлечены историки искусства, религии, литургики, права, филологи, поскольку тогда уже было понятно, что феномен *memoria* далеко не исчерпывается религиозной сферой. В этом смысле в историографии привилось определение *memoria* как «тотального социального феномена», как специфически средневековой (!) культуры воспоминания или особой формы культурной памяти.

К самым интересным и эвристически ценным плодам изысканий в сфере *memoria* следует отнести идею о «памяти, которая формирует общность» (К. Шмид). Программное значение имели здесь публикации О.Г. Эксле «*Memoria* и мемориальная традиция в раннее Средневековье» (1976) и «Присутствие мертвых» (1983) [Oexle, 1983; Эксле, 2007]. Он убедительно показал, что *memoria* имеет коллективный характер и это всегда «отношения» живых и мертвых, базирующиеся на представлении о «реальном присутствии» (нем. *Realpräsenz*) мертвых в жизни живых. Эти отношения имели характер взаимных равноценных дарений, т. е. основывались на договоре, и обнаруживались практически в любых сферах жизни. Абсолютно чуждая современному мышлению вера в саму возможность существования подобного рода отношений базируется на убежденности средневекового человека в том, что смерть не обрывает человеческого существования, а называние имени покойного вслух (прежде всего на литургии) или, например, в грамоте о дарении или об основании частных монастырей и церковью означает его реальное присутствие «здесь» и «сейчас», потому что в культуре с преобладанием устной формы коммуникации «быть названным» и «быть» – одно и то же. Взаимный – договорный – характер отношений живых и мертвых объясняется, в свою очередь, не только и не столько современным представлением о том, что в ответ на регулярное поминовение, облегчающее участь души умершего на том свете, мертвые могут выступать заступниками за живых в потустороннем мире (подобного следует ожидать разве что от особенных покойников – праведников и святых), а тем, что правоспособность человека после его смерти сохраняется в том же объеме. И после кончины человек продолжал оставаться членом своей социальной группы, полноправным субъектом права и других общественных отношений и действий. Так было открыто общество, прежде неведомое историкам, где мертвые наравне с живыми обладали правовым и хозяйственным статусом – «нерасторжимое сообщество живых и мертвых». И это, пожалуй, самое крупное открытие медиевистики XX столетия.

Сейчас изучению средневековой *memoria* сопричастно уже четвертое поколение исследователей. Ее всепроникающий характер открыл историкам (не только медиевистам) бесконечное поле возможностей для формулировки исследовательских проблем в самых разных сферах исторического знания: многие кажущиеся столь знакомыми или на первый взгляд незначительными явления и социальные практики под углом зрения *memoria* обрели совершенно новый смысл и значение. Например, историк Античности Эгон Флэг рассмотрел погребальные обряды римской аристократии как свидетельство конкуренции между сенаторскими родами, способ самоутверждения рода, с одной стороны, и как форму политической тактики, регулирующей отношение «народа» (*gentes*) к нему и к другим родам, – с другой [Flaig, 1995]. Или позволю себе сослаться на собственный опыт в области социальной истории – изучение практики призрения бедных в раннее и высокое Средневековье [Арнаутова, 2014]. Мы привыкли думать, что институциональная организация помощи нуждающимся – заслуга раннего Нового времени, а средневековая благотворительность была исключительно частным делом и мотивировалась религиозно: идеей любви к ближнему (*caritas*) как формой любви к Богу (Мф. 25: 40). Тем более ее никак нельзя «посчитать». Но если обратиться к поминальной практике – картина будет совершенно иной. Вплоть до XII столетия поминовение считалось единственным условием спасения души, возможностью для умершего продолжить на земле искупление грехов – покаяние. Теологически покаяние предусматривает т.н. добрые дела, прежде всего молитву и милостыню (*oratio et elemosyna*). Поэтому средневековая *memoria* всегда имела две одинаково важные стороны – собственно литургическую (*commemoratio*) и социальную, а именно, пожертвования нуждающимся как акт жертвы Господу. Обычно они осуществлялись в форме т.н. кормления бедных (*refectio pauperum*), иногда сочетавшегося с раздачей им платья, продуктов, денег. Совместить литургическую и социальную стороны поминовения могли только религиозные общины, прежде всего монастыри и каноникаты, как мужские, так и женские. Это обстоятельство сделало их не только основным институтом поминальной практики, но и полноценным институтом призрения бедных, особенно в высокое Средневековье, когда реформирующееся монашество превратило заботу о душах усопших в особую, можно сказать центральную, сферу своей деятельности. В течение 30 дней после кончины и в годовщину смерти имя усопшего поминали на мессе и часовых службах, а всех пришедших бедняков кормили. Иногда количество накормленных и рацион специально оговаривались, но в целом – это был суточный рацион монаха данной обители. Материальной базой для кормления бедных служили пожертвования «ради спасения души» (*pro salute animae*) клириков и мирян (обоих полов и самого разного социального статуса, даже «зависимых»), уже при жизни позаботившихся о посмертной участи – своей и близких, «здравствующих и усопших». Принимая от них дары (часто в виде земли и хозяйственных объектов), религиозная община обязывалась в качестве ответного дара совершать вечное поминовение. Как видим, в контексте *memoria* возникали договорные отношения между поминаемыми и поминающими («нерасторжимое сообщество!»). Имя дарителя включалось в поминальный список, тем самым он становился полноправным членом монашеской общины, «братом» или «сестрой». Так закладывались юридические основы всей монашеской благотворительности: правовые отношения гораздо лучше, нежели абстрактная идея любви к ближнему,

обосновывают обязательный («договорной») характер помощи бедным – ею нельзя было пренебречь, а сама процедура поминовения и объем помощи подробно прописывались в своде монастырских «обычаев» (*consuetudines*). Списки поминаемых (а их сохранилось очень много) включали обычно от 5000 до 25 000 имен (некролог клюнийской конгрегации – 48 000), а значит, именно такое количество нуждающихся ежегодно получало вспомоществование. Если учесть невысокую плотность населения до XII в. и достаточно плотную сеть религиозных общин, это вполне должно было удовлетворять потребности в социальной поддержке.

Открытие данного обстоятельства можно считать маленькой революцией в социальной истории Средних веков. Когда с распространением орденов как новой, предельно унифицированной формы организации монашества происходит отказ от практики индивидуального поминовения (первыми на это решились цистерцианцы), общественная благотворительность полностью меняет свой облик: быстро секуляризуется и переходит в компетенцию частных или корпоративных благотворителей, а также светских властей разного уровня.

Несомненно, изучение *memoria* – существенная часть «death studies», располагающая практически неограниченными возможностями в постановке исследовательских проблем, ведь даже хронологически – это период больше чем в тысячу лет. К тому же от поздней Античности до начала современной эпохи отношения между живыми и мертвыми не оставались неизменными: *memoria* имеет свою историю, а «нерасторжимое сообщество живых и мертвых» – свою динамику, пока в конце XVIII в. не происходит окончательная «десоциализация» и «маргинализация» мертвых и *memoria* как специфически групповой феномен исчезает в связи с декорпорацией общества. Так что в изучении *memoria* заложен невероятный эвристический потенциал, и – при несомненном лидерстве немецких ученых – оно имеет большое будущее в мировой историографии. Но это как раз то направление, которое в нашей стране представлено крайне мало, особенно применительно к истории России, хотя, как специфическая форма культурной памяти *memoria* свойственна не только западно-европейской, но и русской культуре. Посоветую книгу Л. Штайндорфа «*Memoria* в древней Руси. Исследования о формах христианской заботы о мертвых» [Steindorff, 1994], которая дает некоторое представление о том, что можно было бы сделать в этой области.

Важен ли личный опыт переживания смерти среди исследователей, занимающихся «death studies»? Какие есть проблемы, связанные с вхождением в поле? Этический кодекс?

Я могу говорить опять-таки не о всех исследователях, а только о своем опыте. Личный опыт переживания смерти и этический кодекс принципиально важны. Казалось бы, для медиевиста, имеющего дело с довольно абстрактным «человеком Средневековья», говорить об этическом кодексе несколько странно, ведь наши респонденты – все эти «средневековые авторы», «средневековые простецы», «прихожане», «рядовые верующие» – нас не слышат. Мы ведем диалог с ними через посредство разного рода источников, далеко не всегда письменных, и выявляем их «мнения», «установки», «отношение», как правило, только по каким-

то косвенным признакам (это, кстати, первостепенная проблема, связанная с вхождением в поле»). Но я имею в виду здесь этический кодекс по отношению к нашему читателю, ведь это ему мы рассказываем о смерти. Такой разговор требует тщательно обдуманных формулировок. И я, например, также не одобряю натуралистических сюжетов о вываривании костей или отрывании конечностей и прочих экзотических процедурах (часто упоминаемых в источниках) с целью обретения реликвий святых или транспортировки покойников, с помощью которых некоторые медиевисты «придают живость» своим исследованиям. Тут важна мера. Когда сам близко соприкоснешься со смертью, например близких, слова о ней обретают совсем другой вес и всякое исследование уже неотделимо от личного опыта. Два десятилетия назад я работала над темой восприятия болезни (и, соответственно, смерти) в средневековой народной культуре [Арнаутова, 2004]. Страх перед болью и смертью заложен в человеке самой природой, но в разные эпохи и в разных обществах перед лицом болезни или смерти люди вели себя по-разному: сами того не осознавая, они подстраивали свое поведение под соответствующие нормативные представления, хотя тут всегда следует учитывать постоянную дихотомию «идеала» и «действительности». Эта дихотомия – повседневность, рутинные практики и стоящие за ними установки – и были главной целью исследования. Но сейчас я многое сформулировала бы совсем по-другому и уж тем более не в рамках простого противопоставления. Теперь мне кажется, что разговор о любых антропологических константах, будь то смерть, голод, сексуальное влечение, должен быть гораздо более дифференцирован, ведь он принципиально незавершаем и неключаем ни в какую «схему исследования».

Избегает ли наше общество проблематики смерти, дистанцируется ли от нее, как это утверждается во многих исследованиях? Есть табуированность смерти как проблема?

О «дистанцировании» и «табуировании» вполне аргументированно написал уже Ф. Арьес, это был основной тезис его книги – «инаковость» опыта эпох, отличных от эпохи Современности (Moderne), где указанные качества свойственны культуре в целом. Однако именно в нашем, постсоветском, обществе этот тезис работает только на самом широком уровне обобщения, коль скоро речь идет о XXI веке. В деревнях, вдали от Москвы и крупных городов, по моим наблюдениям, простые люди относятся к смерти почти как в Средние века. Старики, как правило, спокойно говорят о смерти, копят «похоронные деньги», покойника обмывают дома, правда, лежит он потом не на соломе, а на столе, и соседи приходят поглазеть на похороны и обсудить их. Это какой-то осколок традиционной культуры, родом из далекого-далекого прошлого, сохранившийся, по-моему, лишь потому, что он практикуется социальными группами, относящимися, говоря языком этнологов, к «обществу с недостаточным коэффициентом обеспеченности». Да у нас даже культ мертвых сохранился, хотя, конечно, изрядно субституированный: до недавнего времени в провинциальных городках свадебные кортежи после церемонии ездили фотографироваться к памятникам и захоронениям героев войны. Тогда как современной культуры смерти (за которую европейское общество критиковал Арьес) у нас, по большому счету, скорее нет. Употребляя понятие «культура смерти» я следую здесь определению Макса

Вебера: «Эмпирическая реальность есть для нас культура потому, что мы соотносим ее с ценностными идеями. <...> культура охватывает те – и только те – компоненты действительности, которые в силу упомянутого отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [Вебер, 1990, с. 374]. Отсюда – и то, что проблема смерти в разных ее аспектах (за исключением, пожалуй, «патриотически-героического») крайне редко присутствует в публичном дискурсе, прежде всего в официальном. Но я бы не называла это «табуированием», потому что табу все же предполагает некую долю пиетета и священного ужаса, а в данном случае мы имеем дело, скорее, с банальным пренебрежением или, как говорят психологи, вытеснением, что вполне объяснимо историческим наследием последних ста лет и сегодняшним нашим отставанием от современного европейского общества. Если человеческая жизнь на деле никогда не относилась к абсолютным (базовым) ценностям культуры, то стоит ли удивляться, что тема конца этой жизни не удостоивается общественной рефлексии? К тому же тут может возникнуть масса «неудобных вопросов» (опять-таки выражение М. Вебера). Словом, смерть у нас – по-прежнему тема для исследователей «частной жизни», в ее контексте можно, пожалуй, говорить о «проблеме табуированности», т. к. ценностные идеи всегда имеют субъективный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арнаутова Ю.Е. От *memoria* к «истории памяти» // *Одиссей. Человек в истории*. 2003 / А.Я. Гуревич (ред.). М., 2003а. С. 170–198.

Арнаутова Ю.Е. *Memoria*: «тотальный социальный феномен» и объект исследования // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / Л.П. Репина (ред.). М., 2003б. С. 19–37.

Арнаутова Ю. Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., Алетейя, 2004. 398 с.

Арнаутова Ю.Е. Культура воспоминания и история памяти // *История и память: историческая культура Европы до начала Нового Времени* / Л.П. Репина (ред.). М., 2006. С. 47–55.

Арнаутова Ю.Е. Призрение бедных в раннее и высокое Средневековье: к вопросу о преимуществах истории в стиле истории повседневности // *Sub specie historiae culturalis: Сб. памяти А.Л. Ястребицкой* / отв. ред. С.И. Лучицкая. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 108–130.

Арнаутова Ю.Е. Interim: о роли ранней эсхатологии в формировании средневековой поминальной практики // *Universitas historiae. Сборник в честь Павла Юрьевича Уварова* / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 195–202.

Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

Эксле О.Г. *Memoria* и мемориальная традиция в раннее Средневековье // *Эксле О.Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья* / пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. М., 2007. С. 233–269.

- Althoff G. *Adels- und Königsfamilien im Spiegel ihrer Memorialüberlieferung. Studien zum Totengedenken der Billinger und Ottonen*. München, 1984.
- Althoff G. *Amicitiae und Pacta. Bündnis, Einung, Politik und Gebetsgedenken im beginnenden 10. Jahrhundert*. Hannover, 1992.
- Althoff G. *Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter*. Darmstadt, 1990.
- Biraben J.N., Le Goff J. *Les hommes et la peste en France et dans les pays europeens et mediterraneens*. T. I–II. Paris, 1975–78.
- Borgolte M. *Petrusnachfolge und Kaiserimitation. Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung*. Göttingen, 1989.
- Death in the Middle Ages* // H. Braet, W. Verbeke (Ed.). Lowen, 1983.
- Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet* / Hg. v. K. Schmid. München/Zürich, 1985.
- Flaig E. Die Pompafunebris. Adlige Konkurrenz und annalistische Erinnerung in der Römischen Republik // *Memoria als Kultur* / Hg. v. O.G. Oexle. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 121, Göttingen 1995, S. 115–148.
- Kyll N. Tod, Grab, Begrabnisplatz, Totenfeier. *Zur Geschichte des Brauchtums in Trirer Lande und im Luxemburg*. Bonn, 1972.
- Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters* / Hg. v. D. Geuenich, O.G. Oexle. Göttingen, 1994.
- Memoria. Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter* / Hg. v. K. Schmid, J. Wollasch. München, 1984.
- Oexle O.G. *Forschungen zu monastischen und geistlichen Gemeinschaften im westfränkischen Bereich*. München, 1978.
- Oexle O.G. Die Gegenwart der Toten / H. Braet, W. Verbeke (Hg.) *Death in the Middle Ages*. (= *Mediaevalia Lovaniensia I*, 9). Lowen, 1983. S. 21–77.
- Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit // *Europäischer Adel 1750–1950* / Hg. v. H.-U. Wehler. Göttingen, 1990. S. 19–56.
- Ohler N. *Sterben und Tod im Mittelalter*. München, 1990.
- Tod im Mittelalter* / A. Borst, G. v. Graevenitz, A. Patschovsky, K. Stierle. Konstanz, 1993.
- Schmid K. *Gebetsgedenken und adliges Selbstverständnis im Mittelalter. Ausgewählte Beiträge*. Sigmaringen, 1983.
- Schmid K., Wollasch J. Die Gemeinschaft der Lebenden und Verstorbenen in Zeugnissen des Mittelalters // *Frühmittelalterliche Studien*. 1967. Bd. 1. S. 365–405.
- Schmid K., Wollasch J. *Societas et fraternitas. Begründung eines kommentierten Quellenwerkes zur Erforschung der Personen und Personengruppen des Mittelalters* // *Frühmittelalterliche Studien*. 1975. Bd. 9. S. 1–48.
- Steindorff L. *Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*. Stuttgart, 1994.
- Vovelle M. *La mort et L'Occident de 1300 à nos jours*. P., 1983.

REFERENCES

- Arnautova Ju.E. Ot memoria k «istorii pamjati» [From memoria to the “history of memory”], in: *Odissej. Chelovek v istorii* [Odysseus: Man in history]. 2003 / A.Ja. Gurevich (Red.). Moscow, 2003a. P. 170–198 (in Russian).
- Arnautova Ju.E. Memoria: «total’nyj social’nyj fenomen» I ob’yekt issledovanija [Memoria: “total social phenomenon” and the object of research], in: *Obrazy proshlogo I kollektivnaja identichnost’ v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe prior to the beginning of modern times] / L.P. Repina (Red.). M., 2003b. P. 19–37 (in Russian).
- Arnautova Ju. *Kolduny i svjatyje: Antropologija bolezni v Srednie veka* [Sorcerers and holy: Anthropology of illness in the Middle Ages]. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 2004. 398 p. (in Russian).
- Arnautova Ju.E. Kul’tura vospominanija i istorija pamjati [Culture and history memories], in: *Istorija i pamjat’: istoricheskaja kul’tura Evropy do nachala Novogo Vremeni* [History and memory: the historical culture of Europe prior to the beginning of the New Age] / L.P. Repina (Red.). Moscow, 2006. P. 47–55 (in Russian).
- Arnautova Ju.E. Prizrenie bednyh v rannee i vysokoe Srednevekov’e: k voprosu o preimushhestvah istorii v stile istorii povsednevnosti [The charity of the poor in the early and high Middle Ages: the question of the history of the advantages in the style of stories of everyday life], in: *Sub specie historiaeculturalis: Sb. pamjati A.L. Jastrebitskoj* [Sub specie historiae culturalis: Coll. Memory A.L. Yastrebitskaja] / Otv. red. S.I. Luchickaja. Moscow: IVI RAN Publ., 2014. P. 108–130 (in Russian).
- Arnautova Ju.E. Interim: o roli rannej jeshatologii v formirovanii srednevekovoj pominal’noj praktiki [Interim: the role of eschatology in the formation of early medieval memorial practice], in: *Universitashistoriae. Sbornik v chest’ Pavla Jur’evicha Uvarova* [Universitas historiae. Collection in honor of Pavel Yurevich Uvarov] / Otv. red. A.O. Chubar’jan. M.: IVI RAN Publ., 2016. P. 195–202 (in Russian).
- Bessmertnyj Ju.L. *Zhizn’ i smert’ v Srednie veka. Oчерki demograficheskoy istorii Francii* [Life and Death in the Middle Ages. French demographic history Essays]. Moscow: Nauka publ, 1991. 240 p. (in Russian).
- Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Moscow, 1990. 808 p. (in Russian).
- Oeksle O.G. Memoria i memorial’naja tradicija v rannee Srednevekov’e [Memoria and commemorative tradition in the early Middle Ages], in: Oeksle O.G. *Dejstvitel’nost’ i znanie: oчерki social’noj istorii Srednevekov’ja*. Per. s nemeckogo i predislovie Ju. Arnautovoj [Reality and knowledge: Essays on the social history of the Middle Ages. Trans. from German and introduction Yu. Arnautova]. Moscow, 2007. P. 233–269 (in Russian).
- Althoff G. *Adels-und Königsfamilien im Spiegel ihrer Memorialüberlieferung. Studien zum Totengedenken der Billinger und Ottonen*. München, 1984 (in German).
- Althoff G. *Amicitiae und Pacta. Bündnis, Einung, Politik und Gebetsgedenken im beginnenden 10. Jahrhundert*. Hannover, 1992 (in German).
- Althoff G. *Verwandte, Freunde und Getreue. Zum politischen Stellenwert der Gruppenbindungen im früheren Mittelalter*. Darmstadt, 1990 (in German).

Biraben J.N., Le Goff J. *Les hommes et la peste en France et dans les pays europeens et mediterraneens*. T. I–II. Paris, 1975–78 (in French).

Borgolte M. *Petrusnachfolge und Kaiserimitation. Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung*. Göttingen, 1989 (in German).

Death in the Middle Ages // H. Braet, W. Verbeke (Ed.). Lowen, 1983.

Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet / Hg. v. K. Schmid. München/Zürich, 1985 (in German).

Flaig E. Die Pompafunebris. Adlige Konkurrenz und annalistische Erinnerung in der Römischen Republik, in: *Memoria als Kultur* / Hg. v. O.G. Oexle. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte 121, Göttingen 1995, S. 115–148 (in German).

Kyll N. Tod, Grab, Begrabnisplatz, Totenfeier. *Zur Geschichte des Brauchtums in Trirer Lande und im Luxemburg*. Bonn, 1972 (in German).

Memoria in der Gesellschaft des Mittelalters / Hg. v. D. Geuenich, O.G. Oexle. Göttingen, 1994 (in German).

Memoria. Der geschichtliche Zeugniswert des liturgischen Gedenkens im Mittelalter / Hg. v. K. Schmid, J. Wollasch. München, 1984 (in German).

Oexle O.G. *Forschungen zu monastischen und geistlichen Gemeinschaften im westfränkischen Bereich*. München, 1978 (in German).

Oexle O.G. Die Gegenwart der Toten, in: H. Braet, W. Verbeke (Hg.) *Death in the Middle Ages (=Mediaevalia Lovaniensia I, 9)*. Lowen, 1983. S. 21–77 (in German).

Oexle O.G. Aspekte der Geschichte des Adels im Mittelalter und in der Frühen Neuzeit, in: *Europäischer Adel 1750–1950* / Hg. v. H.-U. Wehler. Göttingen, 1990. S. 19–56 (in German).

Ohler N. *Sterben und Tod im Mittelalter*. München, 1990 (in German).

Tod im Mittelalter / A. Borst, G. v. Graevenitz, A. Patschovsky, K. Stierle. Konstanz, 1993 (in German).

Schmid K. *Gebetsgedenken und adliges Selbstverständnis im Mittelalter. Ausgewählte Beiträge*. Sigmaringen, 1983 (in German).

Schmid K., Wollasch J. Die Gemeinschaft der Lebenden und Verstorbenen in Zeugnissen des Mittelalters, in: *Frühmittelalterliche Studien*. 1967. Bd. 1. S. 365–405 (in German).

Schmid K., Wollasch J. Societas et fraternitas. Begründung eines kommentierten Quellenwerkes zur Erforschung der Personen und Personengruppen des Mittelalters, in: *Frühmittelalterliche Studien*. 1975. Bd. 9. S. 1–48 (in German).

Steindorff L. *Memoria in Altrussland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge*. Stuttgart, 1994 (in German).

Vovelle M. *La mort et L'Occident de 1300 à nos jours*. P., 1983 (in French).